

УДК 347.963+343.82

О.В. Воронин

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ НАДЗОР ПРОКУРАТУРЫ

Прокурорский пенитенциарный надзор не образует отдельной отрасли или направления, а представляет собой отдельный вид прокурорской деятельности, реализуемый в рамках различных отраслей и направлений деятельности отечественной прокуратуры. Нормативно-правовой основой выделения прокурорского пенитенциарного надзора выступает институт (отрасль) пенитенциарного права, регулирующий правовые отношения, складывающиеся в сфере исполнения институциональной принудительной изоляции в целях реализации уголовной политики (пенитенциарной изоляции). Прокурорский пенитенциарный надзор как отдельный вид деятельности реализуется через прокурорский надзор за законностью пенитенциарной изоляции, участие прокурора в судебном рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора; участие прокурора в судебном обжаловании действий и актов администраций органов и учреждений, исполняющих наказания; правозащитную прокурорскую деятельность, направленную на обеспечение правового положения лиц, отбывающих меры пенитенциарной изоляции.

Ключевые слова: прокурорский надзор, пенитенциарный надзор, пенитенциарная функция прокуратуры, защита прав осужденных, места пенитенциарной изоляции, пенитенциарные меры, лишение свободы.

В науке существует два основных подхода к определению природы принудительной изоляции. Согласно первому изоляционные меры систематизируются в зависимости от своей юридической принадлежности в рамках традиционных правовых отраслей. В соответствии со вторым рассматриваются в рамках единых комплексных (интегрированных) институтов – «пенитенциарного права» или «права лишения свободы». Современный уровень развития юридической науки и правовых отношений в сфере регулирования и охраны принудительной изоляции вполне позволяет вести речь о существовании отдельного правового института – пенитенциарного права [1. С. 15–49].

Одни считают, что пенитенциарными отношениями охватывается не только исполнение принудительной изоляции, но и реализация иных видов уголовно-правового воздействия независимо от того, относятся ли данные меры к уголовным наказаниям или нет [1. С. 15]. Другие включают в предмет отношения, регулирующие исполнение всех видов принудительной изоляции независимо от их юридической природы [2]. Третьи выделяют пенитенциарное право в узком смысле как подотрасль уголовно-исполнительного права, регулиющую исполнение уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества, и в широком – как комплексную отрасль российского права, объединяющую в себе нормы иных отраслей, регулирующие деятельность уголовно-исполнительной системы в целом, а также содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [3. С. 9]. На наш взгляд, с учетом приведенных позиций более предпочтительно ограничить предмет пенитенциарного права отношениями, складывающимися в сфере

исполнения институциональной принудительной изоляции, в целях реализации уголовной политики исходя из нижеперечисленных соображений.

Во-первых, в этом случае выделяются правоотношения, регулирующие только институциональную принудительную изоляцию. Во-вторых, в единый комплекс объединяются правовые отношения, регулирующие применение мер принудительной изоляции, различных по своей уголовно-правовой направленности, но обладающих схожим порядком исполнения. И, наконец, предлагается четкий объединяющий критерий для данных видов институциональной принудительной изоляции – цель их применения и исполнения – реализация уголовной политики. Кроме того, этимологически термин «пенитенциарный» означает прежде всего тесную связь с местами лишения свободы, местами заключения, исправительными учреждениями тюремного типа [1. С. 14].

Определение предмета пенитенциарного права позволяет выделить из всей массы мер принудительной изоляции те, которые относятся к пенитенциарной. Эти меры должны удовлетворять определенным критериям.

Первый – они должны служить средством реализации уголовной политики, т.е. обладать уголовно-правовой направленностью. Второй – их исполнение должно предполагать лишение личной свободы¹, выражающееся в принудительном пребывании в ограниченном пространстве, изоляции от общества, семьи, прекращении выполнения служебных обязанностей, невозможности свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц². Третий – у них должен быть схожий порядок исполнения, предполагающий наличие специальных органов и учреждений, в которых они реализуются; охрану и надзор за содержащимися в этих органах и учреждениях лицами; жестокую регламентацию образа жизни таких лиц; ограничение удовлетворения ими ряда социальных и биологических потребностей, в том числе материально-бытового характера [4. С. 11–12].

С учетом отмеченных критериев из всей совокупности мер принудительной изоляции можно выделить меры пенитенциарной изоляции, к которым относятся уголовные наказания, связанные с изоляцией от общества (пожизненное и срочное лишение свободы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части), и меры уголовно-процессуального принуждения, предполагающие принудительную изоляцию (задержание подозреваемого или осуж-

¹ Этот критерий можно также сформулировать как наличие связи с лишением свободы в качестве основного вида уголовного наказания. Определяющий характер лишения свободы как критерия отнесения к пенитенциарной изоляции применяется Конституционным Судом РФ (Постановление от 16.06.2009 № 9-П). Практически аналогичный подход используется в международном праве с учетом национальной специфики ряда стран. Так, согласно решениям Европейского суда по правам человека в европейских странах критерием отнесения той или иной меры к числу пенитенциарных является их тесная связь («адекватность») с классическим тюремным заключением.

² Эти критерии были сформулированы в следующих решениях Европейского суда по правам человека: в п. 14 Постановления от 01.06.1961 по делу «Лоулесс (Lawless) против Ирландии» (№ 3), пп. 92 и 102 Постановления от 06.11.1980 по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии», пп. 55 и 68 Постановления от 28.10.1994 по делу «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства», п. 42 Постановления от 24.11.1994 по делу «Кеммаш (Kemmaché) против Франции» (№ 3) и п. 42 Постановления от 25.06.1996 по делу «Амюур (Amuur) против Франции». Указанные решения легли в основу определения отдельных признаков институциональной принудительной изоляции, данного в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П.

денного, уклоняющегося от отбывания наказания; предварительное заключение и содержание под стражей подозреваемых, обвиняемых или осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания).

Мерами пенитенциарной изоляции охватывается большая часть существующих видов институциональной принудительной изоляции, они характеризуются наиболее частым применением¹ и в ходе своего исполнения (отбывания) предполагают реализацию наиболее суровых форм государственного принуждения. В этой связи деятельность прокуратуры, связанная с их реализацией, приобретает особое значение для общества и государства.

Прокурорская деятельность, касающаяся пенитенциарной изоляции, многоаспектна. С одной стороны, прокурор выступает в качестве субъекта, иницилирующего или принимающего участие в применении мер пенитенциарной изоляции, с другой – является исключительным субъектом, осуществляющим прокурорский надзор за законностью их исполнения, а иногда и применения (например, задержания подозреваемого). При этом деятельность прокурора, связанная с применением мер пенитенциарной изоляции, осуществляется в рамках уголовного преследования и поддержания государственного обвинения, а касающаяся оценки законности их исполнения и применения – в рамках прокурорского надзора.

В условиях прежнего законодательства прокурорский надзор за законностью принудительной изоляции, применяемой в целях реализации уголовной политики, полностью охватывался отдельной отраслью – надзором за соблюдением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказания и иных мер принудительного характера, назначаемых судом (ст. 3 Закона о прокуратуре СССР 1979 г.). Ныне эта часть прокурорской деятельности, традиционно относившаяся к предмету прежней отрасли, приобрела иное значение и уже не полностью охватывается прокурорским надзором за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями места содержания задержанных и заключенных под стражу. В свою очередь, прокурорский надзор за законностью пенитенциарной изоляции также не образует самостоятельной отрасли, поскольку осуществляется в рамках различных направлений прокурорской деятельности, начиная от надзорной и заканчивая участием в рассмотрении дел судами. В этой связи более правильно считать его отдельным видом прокурорской деятельности. Напомним, что под видом понимается сумма схожих, регламентированных законом конкретных действий прокурора, реализуемых в различных направлениях прокурорской деятельности [6. С. 39].

Основанием объединения этих прокурорских действий в единый вид служит их единая направленность, определяющаяся сферой возникновения – областью фактической реализации мер пенитенциарной изоляции. Нормативной основой в этом случае выступает комплексный правовой институт, регулирующий осуществление пенитенциарной изоляции. В литературе

¹ К примеру, для России характерна высокая нормативная распространенность лишения свободы среди иных санкций в уголовном праве (более чем 80% норм Особенной части УК РФ) и относительно частое применение (примерно треть всех обвинительных приговоров к реальному отбыванию наказания) [5].

обоснованно подчеркивается, что наличие обособленной прокурорской деятельности, обладающей схожей направленностью и основанной на единой правовой базе, служит достаточным организационно-правовым условием для выделения отдельного вида прокурорской деятельности, в нашем случае – прокурорского пенитенциарного надзора.

Правовые основы позволяют определить границы прокурорского пенитенциарного надзора. Это – только сфера реализации мер пенитенциарной изоляции. Следовательно, он осуществляется в стадии исполнения приговора и на этапе реализации предварительной изоляции в ходе производства по уголовному делу и не охватывает этап принятия решений о применении самих мер пенитенциарной изоляции.

В таком понимании содержание прокурорского пенитенциарного надзора образует несколько видов прокурорской деятельности, возникающих в ходе фактической реализации мер пенитенциарной изоляции:

- прокурорский надзор за законностью пенитенциарной изоляции;
- участие прокурора в судебном рассмотрении и разрешении вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора, направленных на отмену, изменение или освобождение от отбывания мер пенитенциарной изоляции (уголовных наказаний);
- участие прокурора в судебном обжаловании действий и актов администраций органов и учреждений, исполняющих наказания;
- правозащитная прокурорская деятельность, направленная на обеспечение правового положения лиц, отбывающих меры пенитенциарной изоляции.

В этом контексте термин «прокурорский пенитенциарный надзор» не имеет узкоспециального значения, применяемого для обозначения исключительно надзорной деятельности прокуратуры, а используется для обобщающего определения отдельного вида прокурорской деятельности, аккумулирующего все разнообразие надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере пенитенциарной изоляции [7. С. 37]. По мнению некоторых ученых, эта деятельность образует так называемую пенитенциарную функцию отечественной прокуратуры [1. С. 625–629]. Разделяя позицию авторов относительно ее «пенитенциарного» содержания, возразим против ее определения в качестве функции. Функция – это магистральное направление, отражающее социальное предназначение прокуратуры. Пенитенциарная составляющая в деятельности отечественной прокуратуры не имеет такого значительного удельного веса и едва ли отражает ее сущность так, как, например, прокурорский надзор, уголовное преследование или поддержание государственного обвинения, поэтому более правильно считать эту прокурорскую деятельность отдельным видом, по крайней мере в настоящий момент, с учетом существующего правового регулирования и фактического содержания современной прокурорской деятельности.

Вместе с тем характер и содержание видов прокурорской деятельности, образующих содержание прокурорского пенитенциарного надзора как отдельного вида прокурорской деятельности, различны. Более того, сами эти виды включают в себя весьма неоднородную прокурорскую деятельность.

К примеру, прокурорский надзор за законностью пенитенциарной изоляции реализуется через несколько направлений. Прежде всего, в рамках над-

зора за исполнением законов («общего надзора») в порядке реализации ст. 21 Закона о прокуратуре. В этом случае, во-первых, он включает в себя надзор за законностью деятельности органов, учреждений, должностных лиц, а также органов контроля в системе и структуре ФСИН России, МВД, ФСБ и Минобороны РФ, исполняющих пенитенциарную изоляцию, как федеральных органов исполнительной власти, надзор за деятельностью которых осуществляется в общем порядке. Во-вторых, им охватывается надзор за законностью деятельности субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав и свобод человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в указанных местах. Согласно ч. 2 ст. 1, ч. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре это направление прокурорской деятельности служит частью прокурорского надзора за исполнением законов («общего надзора»). Кроме того, прокурорский пенитенциарный надзор согласно гл. 4 Закона о прокуратуре реализуется через отдельную отрасль – прокурорский надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. При этом в последнем случае в рамках указанной отрасли можно выделить отдельное направление, касающееся исключительно пенитенциарной изоляции, – прокурорский надзор за законностью пенитенциарной изоляции (по сути речь идет о прокурорском пенитенциарном надзоре в узком смысле). Наконец, при определенных условиях в отдельные направления можно выделить прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод лиц, отбывающих пенитенциарную изоляцию, со стороны федеральных органов исполнительной власти, исполняющих пенитенциарную изоляцию, и отдельно – со стороны администраций органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, в рамках отдельных отраслей – надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. Таким образом, налицо несколько направлений в рамках различных отраслей, в которых реализуется современный прокурорский пенитенциарный надзор.

Участие прокурора в рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, в условиях прежнего законодательства охватывалось прокурорским надзором. Основная полемика велась по поводу того, осуществлялся ли этот надзор в рамках специальной отрасли или представлял собой часть судебного надзора [8. С. 73–80; 9. С. 13–33]. Сейчас среди ученых также нет единства. Большинство склоняется к мнению о том, что, участвуя в судебном разрешении дел, связанных с исполнением приговора, прокурор осуществляет функцию реализации последствий обвинения [10].

Представляется, что для разрешения этого вопроса необходимо определить, носит ли данная прокурорская деятельность самостоятельный характер. На наш взгляд, современный уровень развития уголовно-процессуальных отношений в сфере исполнения приговора позволяет вести речь о наличии

самостоятельного вида прокурорской процессуальной деятельности, касающейся разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, не обусловливаемой функциями надзора и поддержания государственного обвинения (уголовного преследования). Такой вывод основывается на особой направленности данной прокурорской деятельности и отдельном процессуальном режиме участия прокурора в разрешении данных дел, установленном ст. 399 УПК РФ. В этой связи участие прокурора в судебном рассмотрении и разрешении вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора, направленных на отмену, изменение или освобождение от отбывания мер пенитенциарной изоляции (уголовных наказаний), необходимо рассматривать в качестве самостоятельного вида прокурорской деятельности, реализуемого в рамках отдельной процессуальной функции прокуратуры, не обусловленной ни уголовным преследованием, ни поддержанием государственного обвинения.

Кроме участия в производствах, связанных с исполнением приговора, пенитенциарным надзором охватывается также участие прокурора в гражданском судопроизводстве в случае судебного оспаривания правомерности и обоснованности действий, решений и актов администраций органов и учреждений, исполняющих пенитенциарные меры. По своей юридической природе данная деятельность относится к участию прокурора в рассмотрении дел судами и представляет собой процессуальную форму обеспечения законности. Другими словами, данная деятельность, в отличие от участия прокурора в судебном разрешении вопросов исполнения приговора, не носит самостоятельного характера и служит продолжением надзорной деятельности прокурора, осуществляемой в процессуальном порядке.

На первый взгляд участие прокурора в гражданском судопроизводстве в случае судебного обжалования правомерности и обоснованности действий, решений и актов администраций органов и учреждений, исполняющих пенитенциарные меры, не укладывается в общую канву участия прокурора в рассмотрении дел судами с целью обеспечения законности, однако это не так. Существенная значимость благ и ценностей, затрагиваемых в ходе судебного обжалования действий и решений администраций пенитенциарных органов и учреждений, заставляет устанавливать более сложную процессуальную форму с участием прокурора. При этом считать, что прокурор осуществляет надзор за судом в этой ситуации, не совсем корректно. По сути, он осуществляет опосредованный надзор за законностью применения решения (действия или акта) администрации. В обычном порядке он осуществлял бы надзор за законностью ее применения традиционными прокурорско-надзорными средствами (скорее всего, за деятельностью соответствующих администраций исполнительных органов и учреждений, которые бы применяли эту норму в дисциплинарно-распорядительной форме), однако в результате оспаривания произошло усложнение правоприменительной деятельности – появилось процессуальное производство с обязательным участием прокурора. Поскольку прокурор в силу конституционных положений не может осуществлять надзор за судебной деятельностью, но при этом сохраняет за собой роль гаранта законности, он выступает в процессе в особом качестве – как субъект,

дающий заключение по делу¹. Его участие в судебном процессе в этом случае служит дополнительной гарантией принятия законного решения.

Содержанием пенитенциарного надзора также охватывается прокурорская деятельность, направленная на обеспечение правового положения лиц, в отношении которых реализуется пенитенциарная изоляция.

Специфика правозащитной деятельности прокуратуры заключается в том, что она полностью охватывается прокурорским надзором. Поэтому, на наш взгляд, не стоит говорить о реализации отдельной правозащитной функции прокуратуры. Более правильно согласно п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре рассматривать правозащитную прокурорскую деятельность как составную часть прокурорского надзора.

Правозащитная прокурорская деятельность реализуется через отдельные направления, связанные с обеспечением правового положения личности, в рамках прочих отраслей и направлений прокурорской деятельности.

В предмет отдельной отрасли – прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – входит обеспечение (защита) тех прав и свобод, наблюдение за которыми не охватывается предметами иных отраслей и направлений. Ее содержание образует наблюдение за соблюдением общего правового положения человека и гражданина, устанавливаемого общепринятыми международными нормами, ратифицированными международными договорами, Конституцией РФ и иными законами, действующими на территории РФ. Предметом прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в прочих отраслях и направлениях выступает наблюдение за соблюдением специальных прав и свобод лиц со стороны поднадзорных органов и учреждений. В этой связи прокурорская деятельность, направленная на защиту и охрану правового положения лиц, отбывающих пенитенциарную изоляцию, также реализуется в рамках отдельной отрасли – прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод гражданина, и прочих отраслей и направлений, включая специальную отрасль – прокурорский надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Поскольку большая часть прокурорской деятельности, связанной с пенитенциарной изоляцией, охватывается прокурорским надзором, возникает вопрос о включении данных видов прокурорской деятельности в отдельную отрасль или о расширении пределов специальной отрасли – прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Ныне все чаще встречаются попытки пересмотра представления об отраслевой специализации надзорной деятельности. При этом спектр мнений

¹ Некоторые авторы открыто именуют участие прокурора в этом качестве надзорной формой участия прокурора в судопроизводстве. Соглашаясь с ними в части основания вступления прокурора в процесс, мы возражаем против утверждения о том, что прокурор осуществляет надзор за законностью применения нормы права судом (судебной деятельностью) [11. С. 226].

весьма широк: от традиционного ее признания до полного отказа в этом. То, что прокурорская деятельность по своей форме и содержанию различна, не вызывает сомнений, и в этой связи абсолютно оправдано признавать наличие в структуре современного прокурорского надзора отдельных самостоятельных направлений – отраслей надзора. Другой вопрос, с учетом современных реалий, насколько оправдан здесь традиционный термин.

Использование понятия «отрасль» действительно может показаться несколько архаичным. Однако, принимая во внимание, что включение его в научный оборот является методологическим приемом для подчеркивания условного характера деления прокурорского надзора на отрасли [12. С. 20–21], представляется возможным его использование в традиционном смысле. Кроме того, такой подход частично реализован в действующем Законе о прокуратуре (ч. 2 ст. 1, гл. 1–4). В этой связи существующее «распределение» пенитенциарного надзора прокуратуры между отдельными отраслями и направлениями не противоречит действующему законодательству и соответствует современным теоретическим основам прокурорского надзора. К тому же отказ от отраслевого деления прокурорского надзора вызовет серьезные методологические проблемы, связанные с определением предмета, пределов и правовых средств надзора. По этим же причинам также едва ли возможно расширение границ сложившихся отраслей прокурорского надзора. Поэтому прокурорский пенитенциарный надзор следует рассматривать как фактически существующий вид современной прокурорской деятельности, реализующийся в рамках сложившихся отраслей прокурорского надзора и иных направлений деятельности отечественной прокуратуры.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Прокурорский пенитенциарный надзор не образует отдельной отрасли или направления, а представляет собой отдельный вид прокурорской деятельности, реализуемый в рамках различных отраслей и направлений деятельности отечественной прокуратуры.

2. Нормативно-правовой основой выделения прокурорского пенитенциарного надзора выступает институт (отрасль) пенитенциарного права, регулирующий правовые отношения, складывающиеся в сфере исполнения институциональной принудительной изоляции в целях реализации уголовной политики (пенитенциарной изоляции).

3. Прокурорский пенитенциарный надзор как отдельный вид деятельности реализуется через прокурорский надзор за законностью пенитенциарной изоляции, участие прокурора в судебном рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора; участие прокурора в судебном обжаловании действий и актов администраций органов и учреждений, исполняющих наказания; правозащитную прокурорскую деятельность, направленную на обеспечение правового положения лиц, отбывающих меры пенитенциарной изоляции.

Литература

1. *Энциклопедия пенитенциарного права* / под общ. ред. Р.А. Ромашова. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. 692 с.

2. Разбирин В.В. Пенитенциарная наука: понятие, предмет, задачи (теоретико-прикладные аспекты) // Актуальные проблемы современной юридической науки: материалы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибУПК, 2010. С. 12–26.
3. Спицнадель В.Б. Генезис уголовно-исполнительного права в контексте становления и эволюции пенитенциарной системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
4. Рейзман Е.П. Уголовные наказания, ограничивающие личную свободу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990.
5. Уткин В.А. Тенденции применения альтернативных санкций в России // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 75–80.
6. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр «Пресс», 2005. 325 с.
7. Казарина А.Х. Эволюция взглядов на предмет прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 2 (34). С. 36–43.
8. Спиридонов Б.М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. М.: Изд-во МГУ, 1978. 204 с.
9. Спиридонов Б.М. Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора. М.: Изд-во МГУ, 1983. 88 с.
10. Шалунов М.С. Проблемы совершенствования правового статуса государственного обвинителя как участника судебного разбирательства // Проблемы теории и практики прокурорского надзора в современных условиях: тез. науч.-практ. конф. М., 2005. Ч. 2. С. 67–70.
11. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юристъ, 2004. 669 с.
12. Мелкумов В.Г. Вопросы теории и практики общего надзора прокуратуры. Душанбе, 1965. 202 с.

Voronin Oleg V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

PENITENTIARY SUPERVISION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE.

Keywords: prosecutor's supervision, penitentiary supervision, penitentiary function of the Prosecutor's Office, protection of the prisoners' rights, places of penitentiary isolation, penitentiary measures, imprisonment.

The prosecutor's penitentiary supervision includes various kinds of prosecutor's activities relating to penitentiary isolation within the framework of the duties of the Prosecutor's Office. The content of penitentiary supervision covers: a) the prosecutor's supervision over the enforcement of laws by the authorities of bodies and establishments involved in the administration of both criminal punishment and the compulsory measures imposed by the court, the authorities of the places for holding detained persons and misdemeanant prisoners; b) participation of the prosecutor in the examination and settlement of questions connected with the execution of sentences; c) participation of the prosecutor in appealing the actions, decisions and acts of the authorities of the bodies and institutions involved in the administration of penitentiary measures; d) human rights activities of the prosecutor aimed at ensuring the legal position of persons serving the penitentiary isolation.

The above activities can take different legal forms within the framework of realization of numerous duties of the Prosecutor's Office. For example, the participation of the prosecutor in the consideration and solution of problems connected with the execution of sentences: a criminal procedural activity in the course of a trial in the form of criminal prosecution at the stage of the execution of a sentence. A prosecutor can take part in appealing the activities of the administrations of correctional institutions and in civil procedure to ensure legality. The human rights activities of the prosecutor include their supervision over the legal position of those serving the penitentiary measures.

The penitentiary supervision constitutes a separate line of the prosecutor's supervision over the law enforcement by the authorities of correctional institutions involved in the administration of both criminal punishment and compulsory measures imposed by the court, the authorities of the places for holding detained persons and misdemeanant prisoners. The above line includes the supervision over legality of administration of penitentiary measures of isolation imposed to ensure the interests of criminal procedure and as criminal punishments, the measures of compulsory medical character imposed instead of criminal punishments and the prosecutor's human rights activities aimed at ensuring the legal position of persons serving the penitentiary isolation.

References

1. Romashov R.A. *Entsiklopediya penitentsiarnogo prava* [The Encyclopedia of Penal Law]. Samara: Samara Law Institute of the FS for Punishment Execution Publ., 2013. 692 p.
2. Razbirin V.V. [Penitentiary Science: concept, object, problem (theoretical and applied aspects)]. *Aktual'nye problemy sovremennoy yuridicheskoy nauki: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Topical problems of Modern Legal Science. Proc. of the International Scientific and Practical Conf.] Novosibirsk: SibUPK Publ., 2010, pp. 12-26. (In Russian).
3. Spitsnadel' V.B. *Genезis ugolovno-ispolnitel'nogo prava v kontekste stanovleniya i evolyutsii penitentsiarnoy sistemy Rossii: dis. d-ra yurid. nauk* [The genesis of the criminal law in the context of executive development and evolution of the penal system in Russia. Law Doc. Diss.]. St. Petersburg, 2004.
4. Reyzman E.P. *Ugolovnye nakazaniya, ogranichivayushchie lichnyuyu svobodu: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Criminal penalties that restrict personal freedom. Abstract of Law Cand. Diss.]. Moscow, 1990.
5. Utkin V.A. Trends of alternative sanction application in Russia. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*, 2013, no. 1 (1), pp. 75-80. (In Russian).
6. Tushev A.A. *Prokuror v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The prosecutor in a criminal trial of the Russian Federation]. St. Petersburg: R. Aslanov. Yuridicheskiy tsentr 'Press' Publ., 2005. 325 p.
7. Kazarina A.Kh. Evolution of views on the subject of supervision of the Prosecutor's office. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Academy of the R.F. Prosecutor General's Office*, 2013, no. 2 (34), pp. 36-43.
8. Spiridonov B.M. *Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem zakonnosti v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [Prosecutorial Supervision of legality in penitentiaries]. Moscow: Moscow State University Publ., 1978. 204 p.
9. Spiridonov B.M. *Prokurorskiy nadzor v stadii ispolneniya prigovora* [Prosecutorial supervision in the stage of enforcement]. Moscow: Moscow State University Publ., 1983. 88 p.
10. Shalunov M.S. [Problems of improving the legal status of the public prosecutor as a party to the proceedings]. *Problemy teorii i praktiki prokurorskogo nadzora v sovremennykh usloviyakh: tez. nauch.-prakt. konf.* [Problems of the theory and practice of prosecutorial supervision in modern conditions. Proc. of the Conference]. Moscow, 2005. Part 2, pp. 67-70. (In Russian).
11. Osokina G.L. *Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast'* [Civil process. General part]. Moscow: Yurist" Publ., 2004. 669 p.
12. Melkumov V.G. *Voprosy teorii i praktiki obshchego nadzora prokuratury* [Theory and practice of general supervision of the prosecutor]. Dushanbe, 1965. 202 p.